

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РУССКИХ ТРЁХРЕЧЬЯ

ЯНА ВИКТОРОВНА ЗИНЕНКО

(Амурский государственный университет:

Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское ш., д. 21)

Аннотация. В статье речь идет о календарной обрядности русских Трёхречья в диахронической перспективе. Исследование опирается на архивные материалы, исторические издания и данные полевых экспедиций (2015–2019) в район компактного проживания русских в Трёхречье (район Внутренней Монголии, КНР). В культуре русского населения Трёхречья, наследующей традициям русских выходцев из Забайкалья, календарный цикл обрядов сохранился в полном виде вплоть до середины 1950-х гг. Годы политической реакции и «культурной революции» привели к забвению русского языка, русской культуры, религиозных традиций. Возрождение календарной обрядности в среде русских Трёхречья начинается с эпохи реформ Дэн Сяопина. Однако полностью восстановить цикл календарных праздников и их духовное содержание не представляется возможным. Уходят последние хранители традиции, их дети; потомки детей от русско-китайских браков в третьем и последующих поколениях, как правило, не религиозны. Календарная обрядность из этнокультурной константы русскости становится способом привлечения туристов из южных районов Китая. В наши дни не утратили актуальности для трёхреченцев Пасха, Радоница, Вознесение и Троица. Но эти праздники постепенно приобретают светский характер, утрачивая свое идейное содержание. При этом календарная обрядность русского населения Трёхречья представляет образец «троеверия» — совмещения в едином комплексе православных, дохристианских и китайских народных верований.

Ключевые слова: русские Трёхречья, православие, календарная обрядность, Пасха, духовное содержание, народное православие, троеверие.

Дата поступления статьи: 25 августа 2019 г.

Дата публикации: 25 декабря 2019 г.

Для цитирования: Зиненко Я. В. Календарная обрядность русских Трёхречья // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 97–107.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.008

В данной статье речь пойдет о календарной обрядности русских Трёхречья в диахронической перспективе ее бытования. В русской традиционной культуре под календарной обрядностью понимаются ритуальные действия, верования, запреты, связанные с определенными днями календарного цикла [Забияко 2002; Забияко 2008; Миролубов 2014]. Данный пласт русской традиционной культуры сложился вследствие синкрети-

зации языческих верований и народного православия.

В основу исследования положены архивные материалы и итоги полевых исследований ученых Амурского государственного университета в район Трёхречья (июнь 2015 г., участники: А. П. Забияко, А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзяньлин; октябрь 2015 г., участники: А. П. Забияко, А. А. Забияко, Чжан Жуян; май 2016 г., участники: А. П. Забияко,

А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян; июль 2018 г., участники: Чжан Жуян; июнь 2019 г., участники: А. П. Забияко, А. А. Забияко, Чжан Жуян).

Основное население Трёхречья в начале XX в. составляли выходцы из казачьих поселков Забайкалья [Аргудяева 2016]. Несмотря на то что исторически казаки Сибири и Дальнего Востока не отличались истовой набожностью, в чужих землях в инокультурном окружении православие стало для них духовной опорой. После революционных событий 1917 г. и особенно в 1930-е гг. эти тенденции не просто усилились — православная культура стала восприниматься как отеческое наследие, которое нужно бережно хранить, передавая потомкам [Там же, 385]. Приверженность православной обрядности стала основой осознания своей этничности русскими насельниками Трёхречья. Вступая в межнациональные браки, русские матери с особым тщанием относились к своей вере и приобщали к ней не только детей, но и мужей-иноверцев. И даже если те не принимали православие официально, то в повседневной жизни относились к вере жены терпимо. А в дни праздников, которых в трёхреченской жизни было немало, активно приобщались к обрядовой и досуговой стороне.

Календарная обрядность русских Трёхречья, по данным газетных публикаций 1930–1940-х гг., а также воспоминаниям очевидцев, состояла из празднования Пасхи, Рождества, Масленицы, Троицы и других церковных праздников [Кармазов 1931; Камский 1934; Амурец 1943; Шестаков 1943]. «Годовой жизненный цикл ориентировался на церковные праздники. Гражданских праздников не было, за исключением Нового года. Церковные же праздники отмечались неукоснительно», — вспоминают жители Трёхречья [Буторин 2006, 34].

Трёхреченцы «жили и трудились в основном по народному календарю, также привязанному к народным праздникам» [Аргудяева 2016, 288]. А. М. Кайгородов писал: «В Трёхречье соблюдались обычаи глубокой старины, уклад жизни оставался таким, каким он был в Забайкалье до революции. <...> Например, когда сеяли коноплю, то по обычаю вместе с семенами в землю зарывали несколько яиц. После целиком не выжинали, а оставляли один-два квадратных метра посева “богу на бородку”. Строго соблюдали Великий пост, школьники все

без исключения обязаны были причащаться. В Рождество ходили со звездой христовлашки, в Святки — скоморохи. На Пасху принято было христосоваться, качались на лошадах. На Масленицу катались на лошадях, “брали” снежные городки. В Прощеное воскресенье дети у взрослых и взрослые друг у друга просили прощения, становясь на колени. Накануне Родительского дня на ночь накрывали столы, а некоторые в сених насыпали тонкий слой муки и утром проверяли, не приходил ли родитель. В Троицу топили березку, в Духов день купали и святтили лошадей. В засушливую погоду приглашали духовенство и с иконами ходили по полям» [Кайгородов 1970].

О традициях празднования Рождества и другой календарной обрядности в Трёхречье вспоминал П. Патрин, уехавший в Австралию: «К празднику Рождества Христова у нас, в Верх-Угре, готовились загодя. В течение Рождественского поста исповедались и причащались Святых Христовых Тайн. В доме обычно производили побелку, уборку. За несколько дней до праздника начинали заботиться об угощении. Готовили мясное и стряпню. Новый год до праздника Рождества Христова мы никогда не встречали. Вообще такого внимания этому дню — Новому году никогда не делалось, как в настоящее время. Мы жили в то время по церковному календарю. Елку наряжали под Рождество. Детишкам под ней клали недорогие подарки.

Мы, детвора, готовились по-своему. Несколько человек, в основном это мальчишки, собирались в чьем-нибудь доме и спевались. Разучивали песнопения, чтобы потом, вечером, под праздник Рождества Христова пойти со звездой славить. <...> Как только начинало темнеть, мы зажигали свечу, через плечо у каждого матерчатая сумка под подарки, и так со звездой выходили на улицу. <...> Многие ребята с родителями шли в храм на ночную службу. Рождественская служба заканчивалась рано. Детишки немного отдыхали и снова шли славить. Теперь уже без звезды, налегке. Утром мы пели тропарь и кондак праздника Рождества Христова. <...> Наступали Святки. Святые дни начинаются с праздника Рождества Христова и продолжаются до 18 января, Крещенского сочельника. Особенного какого-то значения Святкам не придавалось. Период сплошной, в среду и пятницу поста нет. <...> Летом во время

засухи служили на полях молебны о бездожде. Крестьяне собирались в храме, священник благословлял взять иконы, и с пением молитв шли на поля. Пели и запев, положенный на молебне, — «Даждь дождь земли жаждущей, Спасе!». И редкий раз молящиеся возвращались сухими. Обычно всемилостивый Господь ниспосылал обильный дождь в тот же день или на другой» [Патрин 2007].

Отголоски воспоминаний о праздниках детства долгое время хранили последние «чисто русские» Трёхречья: *«На Троицу у нас те года весело было. Раньше на Троицу гуляли, обливаются, ой весело, даже в речку бросали. Масленицу празднуем, кады Масленка проходит, пойдет Прощёный день, и я потом сем недель с Прощёного дня, сем недель посных до Пасхи, все посно кушаю, ни молоко, ни чё — все посно кушаю. На Святки машкаровались (маскировались, рядились. — Я. З.), ходили: ты оденешься, чтоб тебя не узнали, на лицо всяко, которы сами себя разукрасят, потом на Рожжисве славили детишки, потом вечером со звездой ходили, утром Рожжисво пели»* (Зап. от Таисьи Николаевны Петуховой, 1931–2016 (урож. п. Драгоценка), д. Караванная/Эньхэ, КНР. Соб. А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуан, Ван Цзянлинь. 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Население, эмигрировавшее из Забайкалья, по этническому составу было неоднородно, что выражалось в смешанных традициях народных представлений и верований носителей православия. Так, традиция оставлять посев «богу на бородку» относится к земледельческой обрядности восточных славян [Токарев 1957; Шахнович 1971; Костомаров 1993; Афанасьев 1994; Веселовский 2006; Забияко 2008] и, очевидно, была перенесена в Забайкалье из центральной полосы России в ходе миграций [Алексеев 1906; Якименко 1980], затем усвоена в Трёхречье. Традиция крестных ходов по полям не менее архаична в сознании русских, имеет языческие корни, позже была ассимилирована в обрядовой традиции русского православия.

Справление календарной обрядности продолжалось и при японцах, и после окончания войны в 1945 г., вплоть до начала 1960-х гг. — времени массового отъезда русских трёхреченцев в СССР и другие страны.

С начала 1960-х гг. ситуация кардинально меняется: в Китае ужесточается

внутриполитическая обстановка, начинается «культурная революция». «Местные русские» и потомки русско-китайских браков объявлены «советскими шпионами». Православие как институт фактически перестает существовать, русский язык, русская культура оказываются под строжайшим запретом. За десять лет «культурной революции» (1966–1976) традиционный русский уклад жизни оказывается фактически вытеснен китайским. Церковь лишается священников. Без духовных лидеров, в постоянном страхе перед угрозой физического уничтожения русские Трёхречья сводят на нет обрядовую сторону жизни [Кляус 2015; Забияко 2017].

С началом реформ Дэн Сяопина и общей либерализацией внутриполитической и внешнеполитической жизни потомкам русско-китайских браков постепенно возвращаются их права, они официально признаны «русской национальностью (народностью)» Китая. Возвращение к русской культуре становится стратегически важным для официального Китая, рассматривающего ее как важную составляющую программы развития туристического бизнеса.

С конца XX — начала XXI в. представители первого и второго поколений полукровцев и оставшихся русских постепенно восстанавливают само существование календарной обрядности. Однако в силу долгого отсутствия православия как института и китаизации образа жизни у православных верующих Трёхречья знания, касающиеся обрядовой стороны, редуцировались и во многом утратили свой религиозный смысл.

Духовными лидерами в данных условиях становятся помнящие обрядовую сторону действий «знающие» старушки и старики (почившие Таисия Николаевна Петухова, Иван Васильевич Васильев, пришедшие им на смену Маруся Деметьева, Анна Первоухина). Как правило, социальные и политические обстоятельства молодости стали причиной того, что многие из них не овладели русской грамотой или остались малограмотными. Их авторитет в области православной календарной обрядности строится на отрывочных знаниях, детских образах, организаторских способностях (умении собрать группу верующих и отправиться в церковь, организовать празднование Пасхи, организовать ход на крестовые горы в честь Вознесения, знании

фольклорных жанров, сопутствующих обрядам), соблюдении церковного календаря. Так, после начала периода «открытости и реформ» Иван Васильев (曲常山, Qu Changshan, Цюй Чаншань, 1923–2015, д. Караванная/Эньхэ) стал регулярно приобретать русские православные календари у знакомых, ездивших в Россию, и изучать их со словарем, воссоздавая в памяти все православные календарные праздники, обряды, рецепты ритуальных кушаний [Забияко 2017, 253–306].

Т.Н. Петухова (1931–2016) пользовалась в среде старшего поколения авторитетом и слыла «знающей» православные верования и обряды: «*Таисья умерла, ой, она весело нам несла, мы же ходили всё к ей. Праздник у ей, на Пасхе встречали у ей. Она еще говорила: другой год на Пасху я поеду в Лабдарин. Мы всё в Лабдарин в церкву раньше ездили*» (Зап. от Маруси Дементьевой 果佩珍, Quo Peizhen, 1941 г.р., д. Караванная/Эньхэ, КНР. Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян. 2016 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. «*Старухи нынче (на Пасху. — Я. З.) никто не ездил в церкву, тут дома оне. Тем года оне ездили туда в церкву. Таиска умерла, теперчи им неохота*» (Зап. от Василия Зоркальцева 孙德福, Sun Defu, 1944 г.р., д. Караванная/Эньхэ, КНР. Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян. 2016 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Сегодня те, кто причисляет себя к русским в Трёхречье, пытаются сохранить или реконструировать календарную обрядность некогда доминирующей группы населения. Данные традиции, как уже упоминалось выше, связаны не столько с деятельностью церковного духовенства, сколько с развитием народного православия в среде русских Трёхречья. «*У нас здесь хороши праздники сохраняются. Пасху Христову, Рождество, все праздники. Пасха, когда отойдет, мы вычитываем, Вознесение — с Пасхи до Вознесения 40 дней. Всё вот по-русски, сейчас мы живем с детьми, всё они с нами по-русски, и кады гости приезжат, гостей принимаем — всё по-русски*» (Зап. от Таисьи Николаевны Петуховой, 1931–2016, см. выше).

В настоящее время главным календарным праздником русских Трёхречья является Пасха. В Трёхречье представители русского анклава (俄罗斯斯族, Èluósī Zú) признаны малой народностью Китая, в связи с чем Пасха имеет

статус официального праздника «русской нации».

Время Пасхи для русских трёхреченцев обладает сакральным значением: «*Мы в любое время к вам приедем. Только на Пасху мы нисколько не приедем*», — улыбаясь, отвечает на приглашение собирателей приехать в Россию профессиональный специалист по Пасхе русской народности Володя (Зап. от Володи Башурова 尹宗兴, Yin Zongxing, 1947 г.р. (урож. п. Усть-Уров), г. Лабдарин/Эргуна, КНР. Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуян. 2019 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. «Соб.: На Пасху много народу собирается в церкви?» «*Да меньше сотни*» (Зап. от Павла Зоркальцева 孙明, Sun Ming, 1975 г.р. (урож. д. Караванная), г. Лабдарин/Эргуна, КНР. Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзянлинь. 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. Для православного прихода Трёхречья меньше сотни прихожан на праздник — это большая цифра; обычно на воскресную службу в храм приходят не более десяти старушек.

В сознании русских еще живы воспоминания о церковной обрядности встречи Пасхи, которые они перенесли в народную среду. В преддверии Пасхи русские трёхреченцы (потомки первого поколения русско-китайских браков) в большинстве соблюдают пост. «*Мне стало восьмисят лет, семисят девятый. У меня, когда мама жива была, нас всех научила поставать. Вот теперчи до Пасхи сколько дён осталось, я поставаю. Я вот ребятишкам наказал, что всё припостите, приедут ко мне гости, но только что после Пасхи. На Пасхе первый день тоже можно. А то мне не можно угощать, всё же постно. <...> только молосно, мясно нисколько нельзя, не разрешено. Ой, яйца нисколько нельзя, само главно — яйца*» (Зап. от Александра (Шуры) Чешнова 刘连吉, Liu Lianji, 1936 г.р. (урожд. Ба Цзянь Фан 八间房, Bajianfang), д. Караванная/Эньхэ, КНР. Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян. 2016 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. Длительная изоляция русских трёхреченцев от канонического устройства православной жизни накладывает отпечаток на нормы поста и его интерпретацию. Ответ на вопрос, почему нельзя есть в Великий пост яйца, сопряжен в сознании нашего собеседника с народным сюжетом о крови Христа и красном цвете пасхальных яиц, с представлением о чудесном превращении крашеного яйца в пасхальную ночь: «*У меня*

мама, она могла (рассказать. — Я. З.), зачем вербу ставят, зачем постуют, зачем яйца не кушают, она все могла рассказать. Я после этой революции, революции, которая в Китае была, я все позабыл. Мне щас и не рассказывать вам. Только помню, мне мама наказала: будет Пасхи первый день, яички меняют, стары снимают, новы кладут. Она мне наказала: «Каждый год кладите новы — красны». Это я запомнил, она мне сказала. Все постно, с хлебом почаюем. Она это мне так сказала, что, когда Христа, были его на крест, она сказала — евреи, что ли, я позабыл, а там-ка одна старушка была, она услышала, пошла смотреть. Пошла смотреть, а где прибит-то — кровь побежала. Она в платке, по-старому подвязана-то. Она платком-то, где кисты, углы взяла да вытерла (кровь. — Я. З.). Домой пришла и думат — вымыть? Как мне на память оставить-то? Это Иисус(а) кровь-то. Потом взяла яичко, сварила, да на яичко-то и намазала, и на божничку положила. На другой год-то сняла, он (яйцо. — Я. З.) наполнил, как свежий. Вот, после того это стали каждый год новы менять — красны православны... И вот стал я веровать, стал я постничать. Когда каждый год мама снимет яички-то на божничке, разобьет — даже парит. Вперед этого, когда неаккуратно избу белят, да снимают (яйцо. — Я. З.) — если разобьет, то там всего с накаточик сухой, совсем высохнет. А тут на Пасхе, первый день, оно как свежее. Она нам всем, у нас семья больша была, помаленички разделит, скушаем. Не скажешь, что ни-сколь не пахнет — пахнет, но не шибко. После того я стал веровать» (Зап. от Александра (Шуры) Чешнова 1936 г.р., см. выше).

Готовятся к празднику за неделю. Обрядовым значением для трёхреченцев обладает Вербное воскресенье (Вербхлѣс<т>). Русские дети и внуками ходят в лес, рвут вербу, «хлещут» друг друга, приговаривая: «Вербхлѣс, бей до слѣз!» Правда, как отмечает А. П. Забияко, «...наши наблюдения показывают, что вербу собирают, ее пучки ставят перед божничками, ритуально используют, но из области аграрной магии ее применение уходит в прошлое вместе с тем, как уходит в прошлое для большинства русских Трёхречья их аграрная деятельность. Подавляющее большинство русских, еще не забывших свои традиции, уже не сеет хлеб и не держит скот» [Забияко 2017,

162]. В 2019 г. Вербное воскресенье прошло за две недели перед православной Пасхой, вместе с протестантским праздником.

В Чистый четверг красят яйца и пекут куличи. Кулич украшают, несмотря на незнание русского языка, буквами «ХВ», что является символом причастности к русской традиции, а также показателем правильного понимания русского праздника. «Я тут помолюсь, уберу-ка все там (наведу порядок в избе. — Я. З.), яички покрашу, поставлю, кулич обязательно поставлю. Пеку куличей штук 20, маме, сестре, все раздам, кады гости, угощу. Яичек штук двадцать красим, менямся, поставим, целу неделю стоят» (Зап. от Анны Дементьевой 果佩花, Quo Peihua, 1944 г.р. (урож. д. Олочи), д. Караванная/Эньхэ, КНР. Соб. А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жюан. 2016 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. Субботним вечером потомки русских собираются в доме у одной из старушек, где накрывается в складчину праздничный стол, ведутся беседы о «ранешной» жизни, затем наступает время встречи Пасхи: «Мы вчера (в ночь на Пасху. — Я. З.) до часу сидели, до полпервого. Двенадцать прошло, мы давай Богу молиться, сперва с одиннадцати часов — поболе, стали молиться, потом двенадцать — боле прошло, потом начали христосываться. Потом как молиться, мы им (китайским журналистам, снимавшим фильм о праздновании Пасхи. — Я. З.) сказали: “Вы, если будете здесь стоять-та, молчите”. Все ушли туды, ничѣ не слышно было, только один стоял, снимал тута. Свечки зажигали, потом все по свечке держали. Свечек много купил он всемя: “Поделите” — всемя нам разделил. Свячену воду, на окошке бутылки стоят, сказал всем налить, разделил, с церкви привез воду. Он говорит: “Я маленько увезу-ка”. Я не знаю, он верит — не верит, они поснимать приехали, как Пасха. Вот имя надо, чтобы посмотрели, как здесь. Я имя говорю: “Вы на другой год не ездите, мы сами хотим Пасху отмечать”. Когда этих (китайских журналистов. — Я. З.) нет, бабушки сами соберутся, стол наладят, посидят, поедят. Чичас уже можно покушать, никак ране бабушки наши: двенацать часов пройдет, потома-ка два часа идем Богу молиться, в три часа до дом придем, тоже в часовню, тут часовня была. Потом дома Богу помолятся, похристосываются, потом опять в часовню идешь, потом опять

домой — Богу помолимся» (Зап. от Маруси Дементьевой, 1941 г.р., см. выше).

Всенощное бдение — праздничное общественное богослужение, которое при строгом соблюдении устава должно продолжаться от захода солнца до рассвета, было максимально упрощено, а идейный смысл торжества растворился, оставив только обрядовую сторону жизни. «*Наутро яичко в руках держишь, говоришь: Христос Воскресе! Потом яичком переменишься, так у вас? Одинаково, мы тоже так. С мужчинами тоже христосьваемся, стары, малы — со всеми*» (Зап. от Тамары <Васильевны> Ерохиной 杨玉兰, Yang Yulan, 1936 г.р., д. Караванная/Эньхэ, КНР. Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян. 2016 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Таким образом, в сознании православных верующих лежат связанные с детством образы; «материнская» культура передала обрядовую народную сторону традиции, но идейное содержание было утрачено.

Деревня Караванная (Эньхэ) является наиболее крупным местом компактного проживания потомков русских. Трёхреченцы ждут Пасху весь год: во-первых, здесь они имеют возможность увидеть тех, кто живет в других поселках, во-вторых, «казна» накрывает им в специальном «ритуальном» ресторане праздничные столы и угощает за свой счет. Во время праздничного обеда исполняются песни на китайском и русском языках, звучат официальные поздравления, выступает народный художественный ансамбль русской народности «Эргуна» (г. Лабдарин) с танцами, песнями, припевками. Кроме того, представители власти приглашают русских в администрацию поселка, где дарят им ценные подарки в честь праздника Пасхи (сапоги, мультиварки и т.д.). Крашеные яйца и куличи, принесенные полукровцами из дома, выступают символами праздничного стола, религиозное значение и церковное толкование остается на уровне интуитивного понимания (по полевым материалам 2016 г.). При этом идейное содержание и церковный смысл праздника не имеют значения ни для представителей русской национальности, ни для местных властей, и регламентация праздника подчинена исключительно официальной конъюнктуре. Так, в 2019 г. празднование Пасхи состоялось, но по каким-то причинам обеда и подарков не было. Трёхреченцы

собирались в складчину и самостоятельно праздновали событие: «*Нончи-та эта, оне столы не накрывали нам на Пасху-та, так эта, мы сами у Маруси-та собрались, да*» (Зап. от Анны Первоухиной 朱玉花, Zhu Yuhua, 1953 г.р. (урожд. д. Ершишная), д. Караванная/Эньхэ, КНР. Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуян. 2019 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. Можно констатировать, что сегодня Пасха в Трёхречье приобрела светский характер.

Секуляризация пасхальной обрядности, подмена организаторами мероприятия религиозного смысла светским, общественно-политическим, культурно-воспитательным содержанием у некоторых православных жителей встречает порицание: «*Как батюшка придет — казна может дикалону на лицо. Раньше церковь не открывалась зимой — (теперь. — Я. З.) отопление поставили, а русски придут проверять — они деньги дают. Не любят, а Пасху празднуют, все китайцы-начальники придут, русскому да метису не зайти. Они только знают Пасху праздновать — воздух неправильный у них*» (Зап. от Василия Зоркальцева, 1944 г.р., см. выше). Последователи православной традиции в Трёхречье до 2019 г. чаще пренебрегали посещением церкви в г. Лабдарин (Эргуна), чему объективно было несколько причин: 1) отсутствие православного духовенства, а следовательно, полноценной церковной службы; 2) «крепкие» в вере прихожане в среднем старше 60 лет, ввиду чего из-за слабого здоровья они не имеют возможности часто посещать храм (нередко находящийся далеко от населенных пунктов); в свою очередь, молодое поколение не так крепко в вере, храм посещает редко, чаще по большим праздникам.

Вознесение — календарный праздник, также сохранивший свою актуальность для русских Трёхречья. В этот день в Лабдарине и Караванной русские жители стараются подняться на крестовые горы, принести жертву поклонным крестам. В частности, в д. Караванной «к старым обветшалым крестам кое-где добавлены новые, поставленные верующими по обету. Кресты деревянные или металлические, высотой около 1 м, обложены со всех сторон принесенными снизу небольшими камнями и увешаны «пеленами» (лентами цветной ткани). На Вознесенской горе близ д. Караванной сейчас стоит один металлический

восьмиконечный крест и три деревянных (два восьмиконечных креста и один шестиконечный). Поднявшись на гору, люди молятся, вяжут на кресты «пелены», кладут к подножию принесенные снизу камни, оставляют там яйца, ритуальную выпечку, фрукты и прочие дары, иногда трапезничают. Пелены вяжут на кресты в знак благодарности или просьбы к высшим силам, по обету, а также как выражение личной набожности. Важным обрядом является омовение водой принесенных на гору икон, после чего вода становится «святой», ее уносят и далее используют сообразно религиозным представлениям верующих. Крестовые горы, наряду с домашними божницами, являются культовыми местами, где ритуальные практики носят наиболее регулярный и массовый характер» [Забияко 2017, 152]. В этот день вместе с русскими жителями д. Караванной на Вознесенскую гору (сопку) поднимаются и китайцы. Правда, простые китайцы приходят позднее, тогда как русские начинают свое движение к крестам, находящимся на вершине, с рассветом. Но местное начальство («ихы шишки») также приезжает со сплоченной командой «знающих старушек» к 5 утра. Вначале происходит обряд украшения крестов лентами, приношения съедобных даров, поливания крестов водой и вознесения молитв о дожде и урожае русскими жителями. За их спинами, возложив к крестам «чушкину голову» (голову свиньи), справляют молитвы китайским богам китайские начальники. Далее простые жители остаются на сопке, вкушают праздничную трапезу, принесенную к крестам, пьют водку и веселятся несколько часов — поют русские и китайские песни и частушки под гармошку, беседуют, шутят. А китайское начальство на дорогих машинах вместе с бригадой «старушек» объезжают еще 4 сопки, моля о дожде и урожае русских и китайских богов. Посторонним на остальные сопки путь заказан — во избежание предания огласке религиозности чиновников. Позже на Вознесенскую сопку приходят (по словам представителей русской народности) китайцы, те же простые жители Караванной (по полевым материалам 2019 г.).

Согласно народной традиции восточных славян, на вторую неделю после Пасхи отмечается день поминовения усопших, Радоница [Зеленин 1991, 356–357;

Агапкина 2009, 389–391]. В Трёхречье обнаруживает себя традиция кормления покойников на кладбище, что свидетельствует о том, что данный обряд укоренен в народном сознании. «Здесь на Родительский день ходим, всегда всегда отовсяду приезжат, у кого матери-отцы похоронены. Носим, яйца красим (крашеные яйца на Пасху. — Я. 3.) и всегда на Родительский день носим туда красим (крашеные яйца на кладбище. — Я. 3.). У меня отец и мать в Попирае похоронены, мы ездим туда, а здесь мои, его (мужа. — Я. 3.) родня вся похоронена» (Зап. от Тамары <Васильевны> Ерохиной, 1936 г.р., см. выше).

С уходом последних русских и полукровцев, знающих православные традиции и обряды, постепенно исчезает обрядовая сторона действий, остаются образы, запомнившиеся с детства или с молодости. «Троица была, мы в церкву ходили, из Лабдарина из церкви у нас там есть праздники написаны то (из церкви в г. Лабдарин в часовне п. Шивэй помещен календарь с церковными праздниками. — Я. 3.). Крещение, Пасха, много праздников маленьков там есть. Мы воскресенне только знам, раньше праздников не знали. Раньше матеря говорили, что в воскресенне не работают, русский праздник. Мы вот в церкву ходим, а если церкви нет, то мы дома помолимся, стирать в воскресенья — шибко грех, раньше-то говорили» (Зап. от Лидии Корытниковой, 王玉梅, Wang Yumei, 1937 г.р. (урож. п. Усть-Уров), д. Олочи/Шивэй, КНР. Соб. А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзяньлинь. 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Известно, что храм в честь Святителя Иннокентия Иркутского в г. Лабдарин (Эргуна) был освящен только в 2009 г., несмотря на то что был построен в 1990-х гг. После завершения строительства храм долгое время пустовал. Отсутствовало необходимое церковное убранство: иконостас, алтарь, церковные облачения и прочая утварь. Вопрос был решен Читинско-Забайкальской епархией, которая выделила средства на приобретение необходимого. Именно эта епархия, согласно определению Священного Синода от 27 декабря 2000 г., несет попечение об этом приходе. Около пяти лет необходимые для открытия храма принадлежности китайские таможенники не пропускали через границу на основании отсутствия разрешения от центральных властей. При участии российской стороны

со временем вопрос был решен, документы согласованы и груз доставлен до места.

Следующей проблемой стало отсутствие священнослужителя, который мог бы легитимно вести службы, совершать обряды. В разное время при наличии разрешения государственных властей КНР в храме проходили службы, но постоянного священнослужителя от Китайской автономной православной церкви не было, что естественным образом тормозило развитие православия в Трёхречье. На сегодняшний день Павел Сунь Мин (Павел Зоркальцев) окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и 30 марта 2018 г., будучи на третьем курсе бакалавриата, был возведен в сан иподиакона ректором академии архиепископом Петергофским Амвросием (Ермаковым) в академическом храме Апостола Иоанна Богослова. 5 апреля того же года был рукоположен в диаконы. 21 ноября 2018 г. был рукоположен в иереи к храму в честь Святителя Иннокентия Иркутского в г. Лабдарин (Эргуна) (Внутренняя Монголия, КНР). Завершив обучение, Павел Сунь Мин вернулся и сегодня является священнослужителем настоящего храма. Итак, возможно, ситуация изменится и календарная обрядность русских Китая обретет смысл существования.

В 2015 г. Павел Сунь Мин рассказывал исследовательской группе, что календарная обрядность продолжает существовать в народной среде русских потомков: *«Собираются верующие с детьми (на Рождество. — Я. З.), покушаем, маленькие дети будут славить Христа. Пасху делаем, куличи, красим яйца. Некоторые делают пасху из творога. “Община русской нации” собирается, там не только верующие, но еще полукровцы, которые не крестились и там еще гости, чистые китайцы, начальники. Дети яйца бьют, дети-полукровцы, они все умеют, когда Пасха, что нужно делать. Сейчас в “Общине нации” мало кто помнит (обряды, традиции. — Я. З.), они делают по своему мышлению, поэтому я мало с ними общаюсь, но если у них есть церковный вопрос, они задают. В России, когда учился, говорили, если вопрос — говорить-говорить (отвечать на вопрос. — Я. З.), а в Китае нельзя. Религиозный вопрос в Китае очень сложно, очень строгий»* (Зап. от Павла Зоркальцева, 1975 г.р., см. выше).

Сегодня в среде русских Трёхречья календарная обрядность состоит из поста накануне Пасхи, празднования Пасхи, поминовения усопших в Родительский день, Вознесения [Кляус 2015, 131–162]. Упоминаются Масленица и Троицын день, Рождество, но не раскрывается содержательная сторона обрядовых действий. Остальные церковные праздники и связанные с ними обряды респондентами опускаются, лишь вскользь упоминаются как известные факты. Мы предполагаем, что это связано: 1) с отсутствием системных религиозных знаний и как следствие знания обрядов; 2) с отсутствием широкой популярности обрядовой стороны жизни в народной среде вследствие наступления китайского образа жизни, утилитаризации религиозных представлений; 3) с отсутствием преемственности традиции: обряд утрачивает свое значение, молодыми китайскими русскими данные знания не востребованы.

В заключение стоит отметить, что календарная обрядность русских в Трёхречье с уходом «знающих» людей перестает быть актуальной среди молодого поколения, потому лишь изредка встречаются упоминания о праздниках, бывших когда-то на слуху в русской среде. Естественные процессы отмирания идейного содержания произошли с исчезновением церкви как института. Образы, переданные с культурой матери, частично были забыты или вовсе утрачены во время «культурной революции». Сегодня Пасха является официальным национальным праздником «русской нации» в Трёхречье, но в своей основе носит светский характер, а идейное содержание перешло в разряд мифологии. При этом Вознесение, посещение крестовых гор давно совмещает русско-китайский религиозный компонент.

Календарная обрядность русских Трёхречья является характерным примером «троеверия» [Забяко 2017, 165–167], при котором с православной календарной обрядностью тесно переплелись дохристианские языческие компоненты обрядности и китайская народная религиозность. Очевидно, что в таком синкретическом сплаве официального и неофициального, русского и китайского компонентов календарная обрядность русской народности имеет большие перспективы для существования.

Несмотря на возрождение института Православной церкви, календарная

обрядность вряд ли будет более востребована в среде русской народности Трёхречья, нежели сейчас. Уходят из жизни последние хранители традиции. Их дети и внуки, полукровцы в третьем, четвертом и пятом поколениях, к своей этничности относятся по большей степени прагматично, по-китайски, — насколько этничность

может быть целесообразна экономически. Остается только надеяться, что, как и все наследие русской культуры в сегодняшнем Трёхречье, календарная обрядность не станет исключительно брендом этнотуризма во Внутренней Монголии и не ассимилируется окончательно китайскими традиционными верованиями.

Источники и материалы

Алексеев 1906 — *Алексеев В. В.* Переселение в Сибирь. СПб., 1906.

Амурец 1943 — *Амурец*. О жизни русских в Трёхречье. По поводу статьи «В Верх-Кули» // Новая Заря. Сан-Франциско, 1943. С. 3–4.

Буторин 2006 — *Буторин Г. И.* Казаки станции Хакэ // Русская Атлантида. 2006. № 19. С. 34.

Кайгородов 1970 — *Кайгородов А. М.* Русские в Трёхречье (поличным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.

Кайгородов 1993 — *Кайгородов А. М.* Снежный городок // Советское Приаргунье. 1993. № 100. 21 дек. С. 4; № 101. 24 дек. С. 4.

Камский 1934 — *Камский Б.* Уголок прежней России в маньчжурских степях // Рубеж. 1934. № 30. С. 12–13.

Кормазов 1931 — *Кормазов В. А.* Трёхречье: (Из путевых заметок) // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1931. № 5. С. 38–47.

Костомаров 1993 — *Костомаров Н. И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

Миролюбов 2014 — *Миролюбов Ю. П.* Русские сказания. М., 2014.

Патрин 2007 — *Протоцрей о. Павел (Патрин)*. Празднование Рождества Христова и Крещения Господня в Верх-Урге (Трёхречье) // На сопках Маньчжурии. 2007. № 132. С. 4.

ЦИДВЭ АмГУ — Архивный фонд Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета.

Шестаков 1943 — *Шестаков М.* Благодатное Трёхречье // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: Сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192–195.

Якименко 1980 — *Якименко Н. А.* Советская историография переселения крестьян в Сибири и на Дальний Востоке (1861–1917 гг.) // История СССР. 1980. № 5. С. 91–104.

Исследования

Агапкина 2009 — *Агапкина Т. А.* Радунца // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. Т. 4 / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. С. 389–391.

Аргудяева 2016 — *Аргудяева Ю. В.* Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). Благовещенск, 2016.

Афанасьев 1994 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994.

Веселовский 2006 — *Веселовский А. Н.* Народные представления славян. М., 2006.

Забяко 2002 — *Забяко А. П.* Начала древнерусской культуры. М., 2002.

Забяко 2008 — *Забяко А. П.* Древнеславянская религия // Энциклопедия религий / Под ред. А. П. Забяко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М., 2008. С. 402–403.

Забяко 2016 — *Забяко А. П., Забяко А. А., Зиненко Я. В.* Народное православие русских Трёхречья // Религиоведение. 2016. № 3. С. 121–135.

Забяко 2017 — *Забяко А. П., Забяко А. А.* Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017.

Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

Кляус 2010 — *Кляус В. Л.* «Русская» деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР) // Новый исторический вестник. 2010. № 26. С. 60–72.

Кляус 2011 — *Кляус В. Л.* Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трёхречье (КНР) // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 32–42.

Кляус 2015 — *Кляус В. Л.* «Русское Трёхречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

Токарев 1957 — *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М., 1957.

Шахнович 1971 — *Шахнович М. И.* Первобытная мифология и философия. Л., 1971.

© Я. В. Зиненко, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зиненко Я. В. <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>

Аспирант кафедры религиоведения и истории Амурского государственного университета: Российская Федерация, 6750027, г. Благовещенск, Игнатьевское ш., д. 21; тел.: +7 (4162) 23-47-09; e-mail: yasya11111@mail.ru

CALENDAR RITES OF RUSSIANS IN TREKHRECHYE

YANA V. ZINENKO

(Amur State University: 21, Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation)

Summary. This article discusses the calendar rituals of Russians in Trekhrechy, past and present. The research is based on archival publications and field expeditions during 2015–2019 in the area of Trekhrechy (Inner Mongolia Region, PRC) in which Russians are concentrated. In the culture of the Russian population of Trekhrechy who inherited the traditions of Russian Transbaikalia, calendar cycle rituals were preserved in complete form until the mid-1950s. Years of political reaction and then the “cultural revolution” led to the neglect of the Russian language, Russian culture, and religious traditions. A revival of calendar rituals among the Russians of Trekhrechy began during the era of Deng Xiaoping’s reforms. However, it did not prove possible to restore the cycle of calendar holidays and their spiritual content fully. The last keepers of tradition and their children were leaving the area, while most descendants of Russian–Chinese marriages of the third and later generations abandoned religion. Calendar rites turned from an ethno-cultural marker of Russianness to a way to attract tourists from the southern regions of China. Nowadays, Easter, Radonitsa, Ascension and Trinity have not lost their relevance for Trekhrechy residents, but these celebrations have acquired a secular character, losing their religious meaning. At the same time, the calendar rites of the Russian population of Trekhrechy represent an example of “triple belief” — a combination of Orthodox, pre-Christian and Chinese folk beliefs.

Key words: Russian of Trekhrechy, calendar rites, traditions, Orthodoxy, calendar rites, Easter, spiritual content, folk Orthodoxy, triple belief.

Received: August 25, 2019.

Date of publication: December 25, 2019.

For citation: Zinenko Ya. V. Calendar rites of Russians in Trekhrechy. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 97–107. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.008

References

Afanasyev A. N. (1994) Poeticheskiye voz-zreniya slavyan na prirodu [The Slavs’ poetic views of nature]. Moscow. In Russian.

Argudyayeva Yu. V. (2016) Russkiye kazaki v Trekhrechy (pervaya polovina XX v.) [Russian Cossacks in Trekhrechy (first half of the 20th century)]. Blagoveshchensk. In Russian.

Klyaus V. L. (2010) “Russkaya” derevnya na karte etnoturisticheskogo marshruta v Man’chzhurii (KNR) [The “Russian” village on the map of the ethno-tourist route in Manchuria (China)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin]. 2010. No. 26. Pp. 60–72. In Russian.

Klyaus V. L. (2011) Rozhdeniye i smert’ russkogo doma v Priargunskom Trekhrechy’e (KNR) [Birth and death of a Russian house in Trekhrechy, Argun Region (China)]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional culture]. 2011. No. 2. Pp. 32–42. In Russian.

Klyaus V. L. (2015) “Russkoye Trekhrechy’e” Man’chzhurii: ocherki fol’klora i traditsionnoy kul’tury [“Russian Trekhrechy’e” of Manchuria: Essays on folklore and traditional culture]. Moscow. In Russian.

Shakhnovich M. I. (1971) Pervobytnaya mi-fologiya i filosofiya [Primitive mythology and philosophy]. Leningrad. In Russian.

Tokarev S. A. (1957) Religioznyye verovaniya vostochnoslavnyanskikh narodov XIX — nachala XX v. [Religious beliefs of Eastern Slavic peoples of the 19th — early 20th century]. Moscow. In Russian.

Veselovskiy A. N. (2006) Narodnyye predstavleniya slavyan [Folk representations of the Slavs]. Moscow. In Russian.

Zabiyako A. P., Zabiyako A. A., Zinenko Ya. V. (2016) Narodnoye pravoslaviye russkikh Trekhrechy [Folk Orthodoxy of Russians in Trekhrechy]. *Religiovedeniye* [Religious studies]. 2016. No. 3. Pp. 121–135. In Russian.

Zabiyako A. P. (2002) Nachala drevnerusskoy kul’tury [The beginnings of old Russian culture]. Moscow. In Russian.

Zabiyako A. P. (2008) Drevneslavnyanskaya religiya [Old Slavic religion]. In: *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of religions]. Ed. by A. P. Zabiyako, A. N. Krasnikova, E. S. Elbakyan. Moscow. Pp. 402–403. In Russian.

Zabiyako A. P., Zabiyako A. A. (2017) Russkiye Trekhrechy: osnovy etnicheskoy samobytnosti [Russians of Trekhrechy: The basis for ethnic identity]. Novosibirsk. In Russian.

© Ya. V. Zinenko, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Yana V. Zinenko <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>

E-mail: yasya11111@mail.ru

Tel.: +7 (4162) 23-47-09

21, Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

PhD Candidate, Department of Religious Studies and History, Amur State University

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)